«МОРДОВСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК» А. А. ШАХМАТОВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭРЗЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ*

Н. А. АГАФОНОВА,
кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ)

Алексей Александрович Шахматов – русский лингвист, академик Петербургской АН, исследователь древнерусской литературы, основоположник истории изучения русского литературного языка, фольклорист и этнограф. Родился 5 (17) июня 1864 г. в г. Нарва. Умер 16 августа 1920 г. в Петрограде. Происходил из старинного рода саратовских дворян. После смерти родителей воспитывался в семье дяди А. А. Шахматова, жил в с. Губаревка Саратовского уезда. В 1887 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Работал на кафедре русского языка и словесности, читал курс «История русского языка». В 1890 г. был назначен приват-доцентом, однако ушел из университета и стал земским начальником в Саратовской губернии. В 1893 г. в Московском университете А. А. Шахматов успешно защитил диссертацию и, минуя магистерскую, получил докторскую степень.

В 1894 г. молодой ученый был избран адъюнктом Отделения русского языка и словесности Петербургской Академии наук. В 1897 г. стал экстраординарным, а в 1899 г. – ординарным академиком Академии. В 1899 г. был назначен директором 1-го Отделения библиотеки, в 1906 г. – избран председателем Отделения русского языка и словесности Академии наук. В 1908 г. – заведующий кафедрой русского языка, с 1909 г. – сверхштатный профессор Санкт-Петербургского университета [8, *398–399*].

А. А. Шахматов – автор более 150 монографий и учебно-методических работ. Наиболее значительными среди них являются исследования по фонетике, диалектологии, лексикографии, синтаксису, истории русского языка, современному русскому литературному языку, истории восточных славян, истории древнерусской литературы, украинскому и белорусскому языкам, славянской акцентологии.

Первая попытка А. А. Шахматова «заниматься наукой относится к 1874 г., когда он начинает писать “Послания по истории”. Оказавшись с дядей в Австрии, Мюнхене и Лейпциге, он с увлечением и усердием занимается в лучших библиотеках Европы» [5, *37*].

А. А. Шахматов еще в детстве проявлял необыкновенные способности. Его отличали страсть к коллекционированию слов разных языков и стремление выучить еще какой-нибудь пока незнакомый язык. С детства он слышал эрзянскую речь крестьян, которые работали в их имении. Умный и очень любознательный мальчик как губка впитывал и анализировал неродной ему язык. Интерес к эрзянскому языку, истории и культуре эрзянского народа всегда был свойствен ему. Так, двенадцатилетним подростком он увлекся изучением «Очерков мордвы» П. Мельникова-Печерского. В студенческие годы А. А. Шахматов продолжал интересоваться мордвой и финским языком. По воспоминаниям его сестры С. А. Коплан-Шахматовой, Алексей Александрович любил как слушать, так и петь эрзянские песни.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-04-00258 «Диалектический атлас мордовских языков (Морфология)».

© Агафонова Н. А., 2016

Д. В. Бубрих в статье «А. А. Шахматов как финно-угровед» охарактеризовал деятельность ученого как одну из интереснейших областей необычайно разносторонней научной деятельности А. А. Шахматова и в то же время блестящий этап развития российского финноугроведения...» [4, *435*].

С 1905 г. А. А. Шахматов как русский диалектолог вплотную приступил к изучению диалектов двух эрзянских сел Саратовского уезда – Сухой Карбулак (Арчилово) и Оркино (Кучугуры или Рождественское). Он собрал по этим диалектам богатейший фольклорный материал.

Население обоих сел – мордва-эрзя. Откуда пришли в эти места, они не помнят и называют себя просто эрзей. «По генеральной ревизии 1745–1747 гг. уже показана Петровского уезда деревня Оркино, заселенная мордвой из Пензенского уезда деревень Мачима и Садома; во время ревизии 1745 года в ней показано 110 душ мужского пола, поселенных до этой ревизии. В народе о заселении этого села существует предание, что пришедший сверху мордвин Орька, облюбовав эти места, выпросил у правительства позволения поселиться здесь с несколькими семьями других мордвов...» [7, *692*].

В 1905 г. в Оркино проживало до 6 000 душ обоего пола, а в Сухом Карбулаке – до 3 000.

А. А. Шахматову очень повезло с информантами. Так, собирание образцов народного творчества он начал с занятий эрзянским языком с Романом Федоровичем Учаевым, уроженцем Сухого Карбулака, учителем Новопольской церковно-приходской школы Саратовского уезда [7, *636–642*, *646–649*]. По просьбе А. А. Шахматова Роман Учаев записывает из уст односельчан предания, сказки, песни и другой языковой материал. По мнению ученого, «Учаев весьма удачно справился со своей задачей, он собрал богатейший фольклорный материал, причем будучи музыкантом присоединил к песням и записи мотивов». Совместно с Р. Ф. Учаевым А. А. Шахматов проверил весь собранный материал в отношении точной передачи звуков. Позже этот материал был напечатан в «Мордовском этнографическом сборнике» без всяких изменений или с теми изменениями, которые выяснились при совместном обсуждении. В 1909 г. А. А. Шахматов лично посетил Сухой Карбулак и убедился, насколько точно Роман Учаев передавал родную речь. Был он в Сухом Карбулаке и в 1906 г. Тогда он записал несколько текстов от матери Романа Учаева, которые тоже вошли в этот сборник, но в отличие от текстов, собранных Р. Ф. Учаевым, они написаны финно-угорской транскрипцией (латинской графикой). Следует заметить, что эрзянские тексты, затранскрибированные лингвистом со слов Р. Ф. Учаева, даются финно-угорской транскрипцией, а тексты, собранные Р. Ф. Учаевым, и их параллельный перевод на русский язык – кириллицей (Р. Учаев писал только кириллицей!).

Как признавался сам А. А. Шахматов, с говором с. Оркино он познакомился в августе 1905 г., когда впервые посетил село и записал там много сказок и песен. Затем «тщательно изучал особенности этого говора при помощи другого информанта, Василия Степановича Саюшкина, уроженца села Оркино, бывшего в то время сельским писарем деревни Бегучи Петровского уезда». Позже ему свои услуги предложил Иосиф Александрович Цыбин, постоянный житель Оркино, бондарь по профессии, который, как пишет о нем А. А. Шахматов, был «человеком в высокой степени одаренным; необыкновенная память и развитая фантазия делают его неистощимым рассказчиком». Ученый под его диктовку исписал много листов бумаги, часть этих записей вошли в «Мордовский этнографический сборник».

Как и Роман Учаев, Иосиф Цыбин пытался сам транскрибировать свой диалектный материал на основе кириллицы, но это ему не удавалось, хотя он придумал диакритические знаки для передачи глухих сонорных **r^h, $ŕ^h$, l^h, l'^h, j^h**. Нужно отметить, что информантом для А. А. Шахматова в Оркино был не только И. Цыбин. Что-то он записал от В. С. Саюшкина, от Татьяны Учуськиной и Анастасии Кожайкиной, а также еще от некоторых мужчин и женщин.

В 1905 г. А. А. Шахматов выпустил несколько экземпляров небольшого пробного сборника под названием «Материалы по мордовскому языку и словесности». Это давало ему возможность полу-

чения замечаний и консультаций специалистов финно-угроведов по готовящемуся большому «Мордовскому этнографическому сборнику». Из зарубежных ученых откликнулся финский исследователь Х. Паасонен. Он написал рецензию на сборник, который опубликовал в Хельсинки, в журнале "Finisch-Ugrische Forschungen". Кроме того, им было отправлено А. А. Шахматову несколько писем, в которых обсуждалась фонетическая сторона сборника.

В 1907 г. А. А. Шахматов познакомился с крестьянами с. Новая Тепловка Бузулукского уезда Самарской губернии Тимофеем Егоровичем Завражновым и Семеном Арсеньевичем Ларионовым, которые прислали ему на эрзянском языке рукопись «Мордовская история: эрзя-мокшетнень (эрзя-келень наречиянть), Тюштя инязоронть, Паштеня инязоравантъ ды сынст народост кувалт ёвтнема. Пурназь эрзя-мокшонь преданиясто ды рузонь кельс ютавтозь» («Мордовская история. Об исходе мордовского наречия (эрзя-кель), об их царе Тюштене и царице Паштене и о разных суевериях этого народа»). Рукопись состояла из разных устных мордовских преданий с переводом на русский язык. Отрывки из нее были опубликованы А. А. Шахматовым в журнале «Живая старина» (1909) под названием «Из области новейшего народного творчества». В приложении автор поместил комментарии, а также песню о Тюштене в записи С. А. Ларионова и плач о погибели мордовской земли, записанный самим А. А. Шахматовым со слов Т. Е. Завражнова на эрзянском языке с переводом на русский язык.

Большой труд А. А. Шахматова под названием «Мордовский этнографический сборник» был издан в 1910 г. Императорской Академией наук [7]. Сборник явился результатом исследования эрзянских диалектов сел Оркино и Сухой Карбулак (848 страниц).

Структура подачи диалектного материала в «Мордовском этнографическом сборнике» следующая: каждая страница разделена на две части; в первой половине страницы дается затранскрибированный эрзянский материал, во второй – его перевод на русский язык. Сборник состоит из 7 разделов (А. А. Шахматов называет их отделами), в которых освещены все стороны быта и народное поэтическое творчество двух эрзянских говоров сел Оркино и Сухой Карбулак Саратовского уезда. Подача материала внутри каждого раздела осуществляется следующим образом: А) – тексты говора с. Оркино, Б) – тексты говора с. Сухой Карбулак.

В I разделе сборника собраны предания. В виде воспоминаний рассказывается, кто стоял у истоков этого села, как люди жили раньше, как их крестили, даются сведения о происхождении некоторых фамилий семейств, есть воспоминания о крепостном времени. Интересны рассказы об истории с. Сухой Карбулак, о том, как заключались браки, например: двадцатитрехлетнюю девушку отдали замуж за восьмилетнего мальчика или же чахоточную больную женщину выдали замуж за молодого парня.

Во II разделе описываются обычаи этих сел: в обычаях с. Оркино упоминаются Нишкепаз и Верепаз, приводится моление. Подробно расписано, как топили баню на третий день после похорон в с. Оркино. Интересен материал о том, как делали Юрхтаву, если ее не было у хозяина, при переезде в новый дом. Даются разного рода гадания, ворожба, моления на могилах, заговоры, жертвоприношение во время Рождества. В сборник вошло много текстов, в которых описываются различные детские игры: «жмурки», «прятки», «кабана», «кисель», в шар, в чушки, в мяч, в чиж, в городки, в молоко, в солнце, в месяц, в куклы и т. д. Обычаи с. Сухой Карбулак начинаются с гаданий на Новый год, моления Нишкепазу и Верепазу на Новый год, приводятся обычаи, которые соблюдались на Крещение, Масленицу, четвертую неделю Великого поста, Вознесение, летнего Миколу, Петров день, на Рождество. Зафиксирован ряд заговоров от некоторых болезней (зубной боли, ячменя, от падения в воду и т. п.), приметы. Описана мужская и женская одежда.

III раздел посвящен свадьбе, которая начинается со сватовства. Дается плач невесты. Описываются прохождение свадьбы, венчание.

В IV разделе собраны сказки. По мнению А. М. Астаховой, А. А. Шахматовым впервые была опубликована одна из самых остроумных и социально острых ска-

зок «Кискини кляндирь-булыне» – «Собачка хвостик кренделем» [7, *378–383*], повествующая о похоронах собаки. По цензурным условиям в русских сказочных сборниках дореволюционного периода она не могла быть опубликована. Сказки с. Оркино идут без названий (за исключением двух-трех сказок) под заголовком «Ёвкс» – «Сказка», хотя в оглавлении названия приведены. Все сказки с. Сухой Карбулак имеют названия. Всего даны 33 сказки. Преобладают волшебные сказки и сказки о животных.

В V разделе сборника представлены загадки, пословицы, поговорки, из них 18 загадок – из говора с. Оркино, 70 загадок, 9 пословиц, 5 поговорок, 15 заклятий и 2 скороговорки – из говора с. Сухой Карбулак.

В VI разделе сборника приводятся образцы эрзянского песенного фольклора. Все песни пронумерованы, хотя в оглавлении им также даются названия. Песни с. Сухой Карбулак продолжают нумерацию, но уже с названиями песен и с нотами к ним (53 песни, нотация сделана Р. Ф. Учаевым). Содержание песен разнообразно. Разнообразен и их размер, преобладает «десятисложный стих, укладывающийся в четыре стопы». Большинство песен по содержанию исторические, к ним А. А. Шахматов причисляет и песни, отразившие какие-либо местные события. К собственно исторической песне относится лишь одна песня – о царе Павле Петровиче, весьма распространенная в с. Сухой Карбулак. Она зафиксирована в двух вариантах и рисует императора Павла как кровожадного тирана, с нечеловеческой жестокостью удерживающего власть. Наличествуют колыбельные, скоморошные, святочные, весенние песни, колядки, причитания. Некоторые песни записаны прозой из-за того, что лица, которые их сообщали, точный текст не могли передать.

В VII раздел включены рассказы, письма и пр. Сюда вошли жизнеописания В. С. Саюшкина и Р. Ф. Учаева, письмо И. А. Цыбина, воспоминания Р. Ф. Учаева и старушки Учаевой и т. д.

В конце сборника даны три больших приложения.

Приложение I включает в себя «Песни, записанные И. А. Цыбиным от не оркинской мордвы», две песни, записанные в 1904 г. учителем Ложкиным, а также записи, которые были сделаны в конце семидесятых годов учителем Леонтьевым по поручению А. Н. Минха [7, *667–680*].

Приложение II «Извлечение из историко-географического описания Озерской волости Саратовского уезда» составлено А. Н. Минхом [7, *681–720*].

Приложение III, содержащее «Очерк звуковых особенностей Сухокарбулакского и Оркинского говоров» [7, *721–776*] и «Краткий очерк морфологии» [7, *777–842*], написано самим А. А. Шахматовым.

В сборник вошли также тексты из некоторых других сел, причем не только Саратовской губернии. Автор лично записал песни от Евдокимовой (Бажаевой) в с. Косолаповка (Яруга), которая расположена в трех километрах от с. Оркино. Это «Ravun' tombal'ä kukuft kukurdut'» – «На той стороне Волги кукушки кукуют», «Kämgaftuva Mit'än' Gul'a god är'as'» – «Двенадцать лет жила Дмитриева Акулина». Они вошли в Оркинские песни, как и песни, записанные И. Цыбиным из уст проезжего мордвина из Кузнецкого уезда: «Аньча поланза а вечксэ» – «Анюта своего мужа не любит» [7, *667*], «Вяле, вяле, вяленя» – «Деревня, деревня, деревушка» [7, *670*], «Чияфтыкая, матушкам, Анушань» – «Просватай-ка, матушка, Анюту» [7, *673*]. В сборник включены также тексты, извлеченные из сборников Авксентия Юртова [10] и Хейкки Паасонена [11]. Многие сказки, напечатанные А. А. Шахматовым, были собраны М. Е. Евсевьевым не у саратовской мордвы. Не напечатанными остались более 60 песен, 10 сказок, 4 рассказа, загадки, предания и т. д.

Для лингвистов-диалектологов наиболее интересной и важной частью сборника является его приложение, а именно «Очерк звуковых особенностей Сухокарбулакского и Оркинского говоров». Очерк составлен на основании: 1) наблюдений над языком нескольких крестьян (в основном женщин) данных сел; 2) записей, переводов и словаря, собранных Р. Ф. Учаевым; 3) записей, сделанных по с. Оркино И. А. Цыбиным и В. С. Саушкиным, по с. Сухой Карбулак И. Ф. Мироновым. Главное внимание

в очерке обращено на Сухокарбулакский говор, данные Оркинского говора привлечены только для сравнения. Сначала приводятся звуковой состав гласных и их дистрибуция. В Сухокарбулакском говоре А. А. Шахматов выделяет гласные заднего ряда, среднего ряда и переднего ряда (как в русском языке), гласные неполного образования, или редуцированные гласные, переднего и заднего ряда, а также неслоговые гласные, которые употребляются в дифтонгах.

Гласная фонема **ä** в первом слоге встречается в говоре с. Оркино, тогда как в говоре с. Сухой Карбулак вместо **ä** зафиксирована гласная **е**. В непервых слогах слова встречаются только гласные **a, u, i.**

Между двумя палатальными согласными в говоре с. Оркино очень часто, в говоре с. Сухой Карбулак реже встречается гласная переднего ряда **ä** вместо **a.** Эта же гласная встречается после палатальных согласных и в конце слова. В рассматриваемых говорах в конце слова не зафиксированы гласные **о** и **е.**

В говорах указанных сел гласные **a, e** в положении за всеми гласными, кроме гласных **о, е**, перешли в редуцированные гласные **y, i** (**ы**, **и** – в транскрибированных текстах передаются буквой ***y***), например: *kardazyń* ‘дворовый’, *kudys* ‘этот дом’, *salmyks* ‘иголка’, *ukštyr* ‘клён’, *numyl* ‘заяц’, *kuryk* ‘скоро’; *m’iŕd’iś* ‘этот муж’, *ŕiv’iźiś* ‘эта лиса’, *uźiŕ* ‘топор’, *v’išk’iźim* ‘маленькая лавка в кухне’, *suft’im* ‘сито’ и т. д. В некоторых случаях вместо гласной **y** зафиксирован гласный звук **u** как в говоре с. Сухой Карбулак, так и в говоре с. Оркино, ср.: *lazuuks* ‘трещина’, *učuft* ‘долгожданный’, *kaduviń* ‘я остался; я заблудился’, *alašaftuma* ‘без лошади’. Однако в говоре с. Оркино очень широко употребляется **y**-образный редуцированный звук, ср.: *narmyń* ‘птица’, *lapyža* ‘плоский’, *śukyr* ‘лепёшка’, *ardyms* ‘ехать’, *kandyms* ‘нести’, *salaftyms* ‘заставить украсть’ и т. д.

В системе согласных А. А. Шахматов не выделяет долгие согласные, которые отмечает в эрзянском языке в своей работе “Mordwinische Lautlehre” Хейкки Паасонен (1903). Ученый прав, утверждая, что в эрзянских говорах геминаты встречаются лишь на стыке морфем, ср.: *toń vaks-sta* ‘от тебя’, *tarat-ta* ‘за ветку’.

Дифтонги с неслоговой частью встречаются только в конце слова в лативе: *kuduu* ‘домой’, *vel’uu* ‘в село’, *piŕuu* ‘в огород’ и т. д. Здесь мы наблюдаем регрессивную ассимиляцию по лабиальности, которая свойственна шугуровским говорам юго-восточного диалекта и многим смешанным эрзянским говорам Северного района Оренбургской области, Павловского и Николаевского районов Ульяновской области, Городищенского и Сосновоборского районов Пензенской области.

А. А. Шахматов отмечает не фиксированность ударения в эрзянском языке, в том числе в исследуемых говорах.

В говоре с. Оркино в системе согласных наличествуют глухие сонорные **r^h, ŕ^h, l^h, l’^{h}, j^h**, которые встречаются в позиции перед глухими **t, t’, k**, например: *kal^{h}t* ‘рыба – мн. ч.’, *kal’^{h}t’* ‘ивы’, *mar^{h}tym* ‘со мной’, *mar’^{h}t’* ‘ягода – мн. ч.’, *p’ej’^{h}t’* ‘зубы’, *t’äXt’iŕ* ‘девушка’.

По мнению А. А. Шахматова, в анализируемых эрзянских говорах губные, заднеязычные согласные и переднеязычные **ž, š, č,** как и в русском языке, имеют мягкие пары. Однако в эрзянском языке эти согласные – всегда только твердые фонемы. Их смягчение появляется при контактах (при комбинаторном фонетическом процессе аккомодации) с гласными переднего ряда. Эти мягкие согласные являются вариантами твердых согласных фонем.

При транскрибировании эрзянской речи верно показана прогрессивная ассимиляция по звонкости-глухости в словосочетаниях и сложных словах.

Особенно ценными в работе А. А. Шахматова следует признать точное и углубленное описание морфологии, содержащееся в приложении «Краткий очерк морфологии». Сам А. А. Шахматов в эрзянском наречии различает два склонения: неопределенное и определенное, а притяжательное склонение, по мнению автора, – это склонение имен, соединенных с притяжательными местоимениями или с сокращенными формами личных местоимений. Подробно рассматриваются падежные парадигмы имени существительного и местоимения.

Падежные окончания неопределенного склонения единственного и множественного числа совпадают, кроме номинатива.

А. А. Шахматов считает, что семантика падежей может быть выяснена только в разделе синтаксиса, но приблизительное представление о значении падежей дается их названиями. В падежной парадигме автор выделяет вместительный падеж (инессив), выносительный падеж (элатив), проносительный падеж (пролатив), косвенный падеж (генитив). Рассматриваются варианты каждого падежного окончания. В примечаниях говорится об истории падежа, например, датива. Суффикс **-ńiń** (*ťäXťiŕ-ť-ńi-ńiń*) появился вместо **-ńd'iń,** причем к форме родительного падежа **-ń** присоединено окончание **-ť'i** (ср. мокш. *ava-ń-d'i*) [7, *778*].

Описывая падежи аблатив, инессив, элатив, пролатив, транслатив, латив, иллатив, автор подробно останавливается на наречиях, которые образованы при помощи этих падежных суффиксов. Выделяет падежи абессив, компаратив, комитатив. Говорит о падежеобразных формах, которые зафиксированы только в разряде наречий. Уделяет внимание фонетическим процессам, которые встречаются в падежных формах (ассимиляции, диссимиляция, аффрикатизации). А. А. Шахматов подробно анализирует определенное склонение, обращая внимание на морфонологию падежных форм. Выделяет звуковые основы существительных. Дает образцы неопределенного и определенного склонений имени существительного. Подробно описывает склонение имен, соединенных с притяжательными местоимениями. Однако посессивные суффиксы он считает окончаниями, которые являются сокращенными формами личных местоимений [7, *792*]. По мнению А. А. Шахматова, одни окончания палатализируются, а другие, например посессивный суффикс второго лица **-t**, не подвержены такому смягчению, ср.: *avat* 'твоя мама', *v'äl'it* 'твоё село', *k'el'et* 'твой язык'. В настоящее время в эрзянском диалектном ареале твердый вариант суффикса второго лица **-t** зафиксирован в говорах юго-восточного диалекта. В работе верно подмечено, что благодаря интервокальному положению в притяжательном склонении суффикс иллатива **-s-** всегда озвончается в **-z-** , например: *kuc* 'в дом', но *kudy-z-ym* 'в мой дом', *ťäv-**s*** 'на дело', *ťäv'i-z-ynza* 'на его дело' и т. д.

Автор уделяет внимание склонению некоторых имен личных и приходит к выводу, что в анализируемых говорах имена родства в генитиве и дативе имеют особые окончания, которые не встречаются в других склонениях, ср.: *ava-**t*** 'твоя мама', *ava-**t'*** 'твоей матери', *ava-**t'iń*** 'к твоей матери'.

При анализе прилагательных и числительных ученый отмечает, что имена прилагательные, когда употребляются не в качестве атрибута, склоняются как существительные. Так же склоняются причастия и числительные. В эрзянском языке это происходит при эллипсисе имени существительного и субстантивации прилагательных, числительных и причастий.

Подробно описывается в работе спряжение глагола в утвердительной и отрицательной формах. Даются парадигмы спряжений настоящего и прошедшего времени всех наклонений (изъявительного, желательного, условного, повелительного, сослагательного) исходя из основы слова.

Современная классификация эрзянских диалектов говоры сел Оркино и Сухой Карбулак относит к смешанным диалектам эрзянского языка, которые возникли в результате миграции с прежних мест жительства и совместного проживания эрзи и мокши.

В широких научных кругах выход в свет «Мордовского этнографического сборника» произвел сенсацию. Приветственные письма пришли от финских ученых Э. Н. Сетеля, Ю. Вихмана, В. Мансикка, французского ученого Р. Готио, мордовского ученого М. Е. Евсевьева и многих других. Хейкки Паасонен напечатал в журнале "Finnisch-Ugrische Forschungen" необыкновенно позитивную рецензию на работу А. А. Шахматова, где отметил: «Обсуждаемый значительный по объему труд при своем появлении возбудил среди финно-угроведов настоящее изумление, изумление самое радостное». Этнограф, член-корреспондент Академии наук Д. К. Зеленин в 4-м номере журнала Русского географического общества «Живая старина» опубликовал рецензию на книгу «Саратовская мордва. Мордовский этнографический сборник. Составлен А. А. Шахматовым». Была издана специальная статья

Б. Коплана «Академик А. А. Шахматов как краевед» [6, *1925*]. Высоко оценил «Мордовский этнографический сборник» ученик А. А. Шахматова Д. В. Бубрих.

Трудно преувеличить заслугу А. А. Шахматова в организации финно-угроведческой работы в России. В 1918–1920 гг. он участвовал в создании кафедры финно-угроведения в Саратовском университете, Комиссии по изучению племенного состава при АН СССР (финно-угроведческой части работ).

А. А. Шахматов поддерживал самые тесные научные и личные контакты с мордовским педагогом-просветителем и этнографом М. Е. Евсевьевым и в 1909 г. выдвигал того на заведование кафедрой финно-угроведения Казанского университета. А. А. Шахматовым был составлен «Отзыв о работах М. Е. Евсевьева» для Российского Императорского географического общества. С 1911 г. он являлся действительным членом Финно-угорского общества в г. Хельсингфорсе.

Поступила 05.05.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексей* Александрович Шахматов (1864–1920) // Русская словесность. – 1993. – № 5.
2. *Астахова, А. М.* А. А. Шахматов как фольклорист и этнограф // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Москва, 1963. – Вып. 2.
3. *Астахова, Т. Ю.* Сотрудничество двух известных лингвистов: академика А. А. Шахматова и финно-угроведа М. Е. Евсевьева // Актуальные проблемы филологии и журналистики : сб. науч. тр. – Саранск, 2014. – Вып. 3. – С. 233–236.
4. *Бубрих, Д. В.* А. А. Шахматов как финно-угровед // А. А. Шахматов (1864–1920) : сб. ст. и материалов под ред. акад. С. П. Обнорского. – Москва ; Ленинград, 1947. – С. 435–455. – (Труды комиссии по истории АН СССР / под общ. ред. акад. С. И. Вавилова. – Вып. 3).
5. *Ильенко, С. Г.* Об одном из великих отечественных лингвистов и его знаменитой книге «Синтаксис русского языка» (к 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова (1864–1920)) // Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, искусствоведение. – 2014. – № 9. – С. 36–44.
6. *Коплан, Б.* Академик А. А. Шахматов как краевед // Краеведение. – 1925. – № 1–2.
7. *Мордовский* этнографический сборник / сост. А. А. Шахматовым. В приложении : описание села Оркина Саратовского уезда А. Н. Минха. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1910. – 848 с.
8. *Русский* язык : энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – Москва : Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
9. *Смирнов, С. В.* Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX в. : справочное пособие. – Москва, 2001.
10. *Юртов, А.* Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1. Песни на эрзя и мокша наречии / А. Юртов. – Казань, 1882.
11. *Paasonen, H.* Mordwinische Lautlehre. Akademishe Abhandlung. – Helsingfors, 1893. = Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. – Helsingfors, 1903.

BIBLIOGRAPHY

1. *Russian* literature (1993), Aleksey Shakhmatov (1864–1920), № 5.
2. *Astakhova, A. M.* (1963), Shakhmatov as a folklorist and ethnographer, Essays on the History of Russian Ethnography, folklore and anthropology, Issue 2, Moscow.
3. *Astakhova, A. M.* (2014), A. A. Shakhmatov and a scholar of Finno-Ugric Studies M. E. Evsevev, Actual problems of philology and journalism: collection of papers, Issue 3, Saransk, p. 233–236.
4. *Bubrikh, D. V.* (1947), A. A. Shakhmatov as the Finno-Ugrian scholar, A. A. Shakhmatov (1864–1920): coll. of papers in S. P. Obnorsky (ed.), Moscow; Leningrad, p. 435–455 (Proceedings of the Commission for the History of the USSR in Academician S. I. Vavilov (ed., Issue 3).
5. *Ilienko, S. G.* (2014), On one of the great Russian linguists and his famous book “The syntax of the Russian language” (to the 150th anniversary of academician A. A. Shakhmatov (1864–1920)), University journal. Philological and historical sciences, art, № 9, p. 6–44.
6. *Coplan, B.* (1925), Academician A. A. Shakhmatov as an ethnographer, Local studies, № 1–2.
7. *Shakhmatov, A. A.,* ed. (1910), Mordovian ethnographic collection of works, Annex: Description of the village Orkin of Saratov County made by A. N. Mincha, Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press.
8. *Filin, F. P.,* ed. (1979), Russian language: Encyclopedia, Moscow: Soviet Encyclopedia.
9. *Smirnov, S. V.* (2001), National Slavic philologists of the mid eighteenth beginning of the twentieth century: Handbook, Moscow.
10. *Yurtov, A.* (1882), Samples of Mordovian folk literature, Vol. 1, Songs on the Erzya and Moksha dialect, Kazan.
11. *Paasonen, H.* (1903), Mordwinische Lautlehre. Akademishe Abhandlung, Helsingfors, 1893. = Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXI, Helsingfors.